

АНТОН ФАРБ

АВАДОН

*Посвящается Светленькой,
без которой я бы никогда это не написал*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Инженер Петерсен погиб в ночь на четверг, а в пятницу утром Лимека вызвали в Управление.

Лимек как раз заканчивал бриться, когда ржавая труба пневмопочты, проложенная по потолку ванной комнаты, гулко и протяжно взвыла. Правая рука Лимека, сжимавшая костяную рукоятку опасной бритвы, дрогнула, и Лимек зашипел от боли. Острое золингеновское лезвие рассекло кожу на самом виске. Лимек скривился, подставил лезвие под струю воды и поднял взгляд.

Обросший паутиной трубопровод пневмопочты пересекал заплесневелый потолок ванной наискось: от замазанного синей краской оконца над унитазом, мимо витого шнура, на котором висела лампочка над рукомыльником, к отверстию над дверью в комнату. Сейчас эта труба начала мелко вибрировать, и на голову Лимеку посыпался весь сор, скопившийся на ней за долгие годы: мягкая, как пудра, серая пыль, дохлые тараканы и ржавая шелуха... Лимек выругался, отряхиваясь, и отступил в сторону, не сводя взгляда с трубы. Вибрация нарастала, сопровождаясь низким угрожающим гулом, как будто за окном приближался поезд надземки.

Вскоре задребезжало зеркало, и закачалась на шнуре лампочка, отбрасывая неверные тени на грязный кафель стен и чугунную ванну с брезентовой занавеской. Лимек поднял руку, чтобы придержать лампочку, и в этот момент труба испустила жуткий тоскливый полувизг-полустон. Из-за двери в комнату донесся громкий хлопок, похожий на выстрел, и все стихло.

Остановив раскачивающуюся лампочку, Лимек опустил голову и посмотрел на себя в зеркало. Из мутного потрескавшегося зазеркалья на него настороженно смотрел высокий, крепко сбитый мужчина лет тридцати, голый по пояс, с порослью черных волос на груди. На голове волосы тоже были черные, взлохмаченные со сна, и на узком хищном лице настороженно горели желтые волчьи глаза. Левая щека была все еще в мыле, а на виске был свежий порез: горячая струйка крови уже успела проложить извилистую дорожку в белой пене.

Лимек еще раз ополоснул лезвие, начисто выскоблил щеку и прижег порез одеколоном из пузатого флакона с резиновой грушей. Потом он погасил огонь в титане, закрыл воду и вышел в комнату.

Единственная комната, служившая Лимеку и спальней, и столовой, и кабинетом, была тесной и скудно обставленной. Из мебели в ней наличествовали только продавленный диван, на котором Лимек спал, обеденный стол с парой колченогих стульев, где он ел, платяной шкаф, хранивший его небогатый гардероб, и бюро возле окна, где Лимек работал и хранил документы. Над бюро висела черная тарелка радиорепродуктора, встретившая Лимека хриплым бормотанием:

– ...прослушали сигналы точного времени. В Авадоне восемь часов утра. Прогноз на сегодня. По данным башни Сарториуса, резких колебаний не ожидается. Предполагаемый уровень эманаций – три целых пять десятых балла по шкале Тангейзера. Начало комендантского часа ровно в полночь. А сейчас минута джаза на нашей волне...

Под репродуктором изгибалась ржавая труба, начинавшая свой путь в окне ванной. На трубу был насажен гофрированный металлический цилиндр с вентилями, клапанами, манометром и жестяным сигнальным флажком.

Сейчас флажок торчал вверх.

Лимек медленно подошел к приемнику и потянул за флажок. Донце цилиндра откинулось, и прямо в ладонь Лимеку вывалился помятый гуттаперчевый патрон. Лимек открутил колпачок и осторожно вытащил свернутую трубочкой депешу.

Она была напечатана на дрянной желтой бумаге; у пишущей машинки западала буква «о». Депеша гласила:

«А.Лимеку, частному детективу, к 11-00 явиться в Главное Управление Фабрики, пл. Авернуса 3, каб. 57».

Подписи не было.

Лимек сложил повестку пополам, бросил ее на откинутую крышку бюро и подошел к окну. Открыв форточку, он закурил первую за сегодня сигарету и попытался осмыслить, что бы это все значило.

Но в этот момент за окном – теперь уже на самом деле – загрохотал поезд надземки, и мысли Лимека утонули в оглушительном перестуке колес.

Кабинет 57 был огромен. Он занимал добрую половину последнего этажа Управления Фабрики. Пройдя овальный вестибюль с мозаичным полом, Лимек миновал двери из темного дерева и очутился в просторной зале, пронизанной солнечным светом. Косые лучи по-зимнему яркого солнца пробивались сквозь высокие, от надраенного паркетного пола до украшенного лепниной потолка, окна, задрапированные тяжелыми

бархатными портьерами. В простенках между окнами стояли пальмы в кадках и мраморные бюсты на дорических постаментах.

– Лимек? Здравствуйте! Вы очень пунктуальны...

Из-за гигантского пространства кабинета Лимек не сразу смог определить источник звука. Бордовая ковровая дорожка вела от двери прямо к длинному и узкому столу для совещаний, отполированному до зеркального блеска. Слева от него, в дальнем углу кабинета был еще один стол – массивное фортификационное сооружение из резного дуба, обитое зеленым сукном и увенчанное малахитовым письменным прибором, бронзовой лампой и эбонитовыми буграми телефонов. Позади стола возвышалось пустое кресло с жесткой и непомерно высокой спинкой.

А еще дальше, почти скрытый этим тронем, стоял телеграфный аппарат, возле которого виднелся долговязый юноша лет двадцати, с тщательно уложенными и зализанными светлыми волосами. Именно он и направился навстречу Лимеку, фальшиво улыбаясь и не выпуская из рук длинного обрывка телеграфной ленты.

– Проходите, присаживайтесь! – с заученной вежливостью сказал юноша и, когда Лимек направился к столу для совещаний, тут же поправил: – Нет-нет, не сюда, прошу вас! Вот туда...

Понукаемый юношей, Лимек свернул направо. Там был камин, на полке которого стоял написанный маслом портрет канцлера Куртца в полный рост. Подле камина находился журнальный столик с инкрустированной столешницей на гнутых ножках, окруженный парой мягких кресел и софой, обтянутыми толстой воловьей кожей цвета старой слоновьей кости.

– Присаживайтесь, не стесняйтесь, – предложил зализанный блондинчик, принимая у Лимека пальто и шляпу. Брови у паренька были белесые, а ресницы пушистые.

Оба кресла были заняты, и Лимек аккуратно присел на краешек софы. Портфель он положил себе на колени. Напротив него, почти утонув в глубоких креслах, сидели двое мужчин, от которых веяло дорогим табаком и легкой нервозностью. Оба сидели вполоборота, избегая смотреть на Лимека напрямую, и только канцлер Куртц холодно взирал на него с портрета, надменно поджав тонкие губы.

Блондин шустро разместил вещи Лимека на вешалке возле старинного глобуса и по-хозяйски плюхнулся на другой конец софы.

– Разрешите представиться, – сказал он, – меня зовут Ленц. Я личный секретарь господина Ламара Ксавье, председателя совета директоров Фабрики.

Один из мужчин напротив – седой статный красавец лет пятидесяти в дорогом темно-сером костюме-тройке, величаво кивнул, продемонстрировав орлиный профиль. Его холеное лицо, обрамленное бакенбардами, было бледным и изможденным, как у человека, который последние две-три ночи не спал. Густо припудренные синяки под глазами только подтверждали догадку Лимека.

– Генерал Валлендорф, – представил Ленц второго мужчину.

С генералом дело обстояло еще хуже. Невысокий, толстенький, лысеющий, с рыхлым и пористым лицом любителя заложить за воротник, Валлендорф растекся в кресле, как медуза, расстегнув мундир и ослабив узел галстука. Дышал он с присвистом, как глубокий старик, а в уголках рта и глаз его кожу покрывали мелкие гноящиеся язвочки. Да и вся кожа у него была дряблая, ноздреватая...

– Очень приятно, – сказал Лимек. – Лимек, частный детектив.

– Мы знаем, – хмыкнул Валлендорф, и Ленц заулыбался.

– У нас есть к вам большая просьба, Лимек, – сказал он, моргая пушистыми ресницами. – Или, что вернее, деловое предложение. Но прежде чем изложить его, я должен предупредить, что все услышанное вами в этом кабинете не должно покинуть его пределов...

– Ленц, – перебил его Ламар Ксавье глубоким баритоном. – Хватит этих глупостей. Он же не мальчик. Рассказывайте все по порядку.

– Конечно, господин Ксавье, – угодливо кивнул блондин. – Итак, все по порядку. – Он сложил пальцы рук между собой и выдержал паузу.

– Позавчера ночью на Фабрике погиб инженер Персиваль Петерсен, – начал рассказывать Ленц. – Обстоятельства его гибели, равно как и ее причины, вас не должны касаться, запомните это хорошенько, Лимек! Они не имеют никакого отношения к вашему расследованию. Мы хотим вас нанять, чтобы вы помогли установить местонахождение личного архива инженера Петерсена, и я имею в виду не дневники и любовную переписку, а чертежи и рабочие тетради...

– Довольно, – буркнул Валлендорф, и Ленц тут же замолчал. – Вы никудышный рассказчик, Ленц. Говорите двадцать слов там, где достаточно и пяти.

– Отто, – укоризненно сказал фабрикант Ксавье.

– Что – Отто? – спросил генерал. – Держишь у себя таких болтунов, а потом удивляешься...

На Ленца стало жалко смотреть. Он весь скукожился, сжался и взирал на фабриканта со смесью подобострастия и обиды.

– Вот что вам надо знать, Лимек, – сказал Валлендорф, пододвигая к себе массивную пепельницу из куска горного хрусталя и выбивая папиросу о золотой портсигар. – Инженер Петерсен работал над проектом по заказу Министерства Обороны. Поэтому его гибель расследует наша доблестная тайная полиция – «Трискелион».

Лимек мысленно выругался.

– От вас требуется найти чертежи машины, которую проектировал Петерсен. Сделать это надо тихо. Поэтому никакими особыми полномочиями мы вас наделять не станем. Действовать будете на свой страх и риск. Другими словами, если трискели возьмут вас за задницу... – Валлендорф замолчал и выразительно покосился на портрет канцлера.

– Я понял, – сказал Лимек. – Можно вопрос?

– Конечно-конечно, – встрепенулся Ленц, но Валлендорф метнул в него свирепый взгляд, и блондин опять сник.

– Как погиб Петерсен?

Личный секретарь Ламара Ксавье открыл было рот, но его опередил хозяин.

– Мы не знаем, – устало вздохнул фабрикант. – Его труп нашли в радиоэлектронном цеху фабрики, возле взорвавшейся аккумуляторной батареи. Опознать тело удалось только по номерному перстню магистра Политехникума. Мы даже не знаем, было ли это убийство, несчастный случай или Петерсен наложил на себя руки.

– Может, это вообще был не Петерсен! – крикнул генерал.

– Возможно, – кивнул Ксавье. – Но маловероятно. Трискели опечатали цех и остановили производство. Так что даже я не могу попасть туда...

– Короче, Лимек. Вы беретесь за это дело или нет? – спросил Валлендорф.

– Да, – сказал сыщик.

– Вот и славно, – сказал Ксавье. Он вытащил чековую книжку и толстую авторучку с золотым пером. – Это на текущие расходы. Пятьсот талеров в неделю вас устроит?

Лимек кивнул.

– Будет мало – обращайтесь к Ленцу. Телефон А4-52-36, добавочный 57. И вообще, по всем вопросам связывайтесь с моим секретарем. Отчет о проделанной работе – еженедельно.

– О расходах, пожалуйста, с чеками и расписками, – вставил Ленц, но Лимек его проигнорировал.

Опустив руку в карман безукоризненно скроенного жилета, Ксавье вытащил визитную карточку.

– Это все, чем мы можем вам помочь. Не бог весть что, но кое-какие двери в Авадоне мое имя еще открывает... Советую начать с Политехникума. У Петерсена был лаборант по фамилии Залески – молодой и весьма амбициозный юноша, что-то вроде нашего Ленца, только поумнее. Я думаю, он будет рад оказать услугу директору Фабрики...

Упомянутый Ленц, уловив настроение беседы, успел испариться с софы и появиться вновь, подавая Лимеку пальто и шляпу. Роль лакея ему удалась в большей степени, чем рассказчика.

– И помните, – добавил фабрикант. – Чем быстрее справитесь, тем выше будет ваш гонорар.

Надев пальто и держа шляпу в руках, Лимек спросил:

– Сколько у меня времени?

Ксавье криво улыбнулся одними уголками рта, но улыбка его больше смахивала на гримасу боли. А Валлендорф расплющил окурок в пепельнице, поднял на Лимека по-стариковски слезящиеся глаза и сказал севшим голосом:

– Просто найдите эти чертовы чертежи, Лимек.

3

На улице было холодно. Зима в Авадоне в этом году выдалась долгая, морозная и почти бесснежная. Уже стоял конец февраля, но весной еще и не пахло: в лужах плавала ледяная крошка, и стылый ветер гонял по асфальту мелкую белую крупу, забираясь под пальто и норовя сорвать шляпу с головы Лимека. Тот остановился на ступеньках Управления, сунул портфель под мышку, поднял воротник пальто и закурил, прикрывая пламя спички сложенными ладонями.

Высокое и узкое, как карандаш, здание Главного Управления выходило прямо на площадь Авернуса – сердце Авадона как в географическом, так и во всех прочих отношениях. Сюда, к началу промышленной зоны Люциум сходились все дороги Авадона, и жизнь города вращалась вокруг условной оси, символом которой служила возведенная в центре площади двадцатиметровая колонна, увенчанная огромной, но почти неразличимой с земли статуей легендарного героя Авернуса. Колонна была терракотового цвета, а статуя – слегка зеленоватой, и на голове у нее торчали шипы. Многие авадонцы считали, что шипы символизируют терновый венец мученичества, но Лимек

придерживался более прозаичной версии: колючая корона просто не давала голубям засиживать статую великого героя.

Позади памятника Авернусу высилась мрачная громада Фабрики.

По логике вещей, поиск чертежей инженера Петерсена следовало начинать именно там, с осмотра места его гибели и допроса свидетелей. Но, будучи реалистом и циником, Лимек прекрасно понимал, что его шансы побывать внутри фабричных стен чуть выше, чем вероятность слетать на Луну. Поэтому надо было следовать совету Ксавье и ехать в Политехникум...

У входа в Управление дежурил полицейский в темно-синей шинели с двумя рядами надраенных пуговиц. Когда он начал бросать в сторону Лимека подозрительные взгляды, угрожающе прокручивая вокруг запястья дубинку на ременной петле, Лимек докурил, выбросил окурок и быстро сбежал по широким каменным ступеням, придерживая шляпу рукой.

Было около полудня, и транспортный поток почти сошел на нет. Лимек пересек площадь Авернуса, задержавшись на минутку у подножия колонны, где надрывал глотку мальчишка-газетчик:

– «Авадонский вестник»! – орал он. – Пожар в многоэтажном доме в Левиафании! Ограбление Первого кредитного банка в Маймоне! Рейд полиции в Ашмедай! Трупы в подземной реке Вааль-Зее! Таинственное исчезновение Симона Фоста, профессора алхимии! Покупайте «Авадонский вестник»! Всего полталера!

Бросив мальчишке монету, Лимек сунул газету в карман, поглядел на колонну, основание которое было изрисовано мелом и обклеено афишами бельфегорского театра абсурда, и продолжил свой путь в сторону Фабрики, задержавшись на пешеходном переходе, чтобы пропустить отчаянно завывающую карету скорой помощи.

Центральные ворота Фабрики стерегли два стальных нефалима. Крылатые десятиметровые колоссы стояли по обе стороны мощных врат, обшитых бронированными плитами внахлест. У могучих ступней нефалимов нагие коленопреклоненные кариатиды сгибались под весом прожекторов для подсветки фасада Фабрики. Сам фасад являл собой глухую стену, облицованную черным гранитом, с зубчатыми бойницами поверху. Над крепостной стеной торчала растопыренная пятерня кирпичных труб, круглосуточно изрыгавших желто-коричневый дым.

Стена эта, вдоль которой пошел Лимек, свернув у ворот налево, действительно когда-то была крепостной. Семь веков назад король Танкред Свирепый воздвиг в центре своего города цитадель, которая с тех пор служила резиденцией всех правителей Авадона,

пока канцлер Вальсингам не приказал переоборудовать пустующий барбакан цитадели в ремесленную мастерскую.

С тех пор в самом сердце Авадона начала расти раковая опухоль Фабрики, поглощая все больше и больше городских кварталов, прилегавших к цитадели, и запуская метастазы во все окрестные районы. Так из пакгаузов, складов, котельных, ремонтных мастерских, гаражей и работных домов вокруг бывшей резиденции королей возникла промзона Люциум.

Выплеснувшись за пределы средневековой крепости, Фабрика утратила былое архитектурное величие. Фабричная стена вскоре сменила благородный гранит на шлакоблоки, поросшие грязно-рыжей плесенью. Из-за стены над улицей протянулись длинные щупальца труб в лохмотьях стекловаты и паутина проводов, свисающих с фарфоровых предохранителей на столбах. Такие трубы и провода пронизывали Люциум повсюду, соединяя каждое здание, каждую трансформаторную будку, каждую бойлерную, домну или газгольдер в некий квазиживой организм, который постоянно издавал звуки – низкое монотонное гудение, отрывистый стрекот, возмущенный рев и пронзительный свист.

На углу Политехнической улицы Лимек догнал трамвай и на ходу запрыгнул на подножку. Подвывающий вагончик повез его прочь от какофонии Люциума. Усевшись на жесткую деревянную скамейку, Лимек развернул «Авадонский вестник» и стал лениво его пролистывать. На последней странице, между светской хроникой и недельным прогнозом башни Сарториуса, была короткая заметка о том, что похороны инженера Петерсена состоятся завтра, в час пополудни, на мосту короля Матиаса. Некролога не было. Лимек хмыкнул, опустил газету и стал смотреть, как мелькают за окном справа небоскребы Маймона, и медленно тянутся слева холмы Бельфегора.

Вскоре трамвай сбросил скорость, тренькнул звоночком и остановился.

– Остановка «Инженерный парк», – объявил вагоновожатый в жестяной рупор. – Выход к Политехникуму и улице Павших Героев. Следующая остановка – «Терапевтический бульвар».

Лимек вышел из трамвая и очутился прямо перед коваными воротами Инженерного парка. За воротами начиналась кипарисовая аллея, а над парком сверкала на солнце стеклянная призма Политехникума.

Лаборанта Залески Лимек нашел в столовой Политехникума. Обеденный перерыв только начался, народу в чистой и светлой столовой еще было мало, и Лимек взял поднос и встал в очередь сразу за длинным и нескладным парнем с копной ярко-рыжих волос и табличкой «Эдек Залески» на лацкане некогда белого, а теперь весьма грязного халата. Пока Залески нагружал свой поднос тарелками с овощным супом, рисовой кашей с тефтелями, каким-то очень жирным на вид салатом, ломтиками белого хлеба и двумя стаканами с компотом, Лимек открыто разглядывал лаборанта.

Залески имел вид человека, привыкшего спать в одежде и расчесываться по большим праздникам. Растительностью на веснушчатом лице он еще не обзавелся, и только на верхней губе пробивался легкий рыжий пушок. На кассе он долго хлопал себя по всем карманам, рассеянно наскребая мелочь, и так же долго, хмурясь, пересчитывал сдачу.

На свой поднос Лимек взял тарелку со вторым и стакан компота. Порция обошлась ему всего в два с половиной талера, из чего он предположил, что тефтели в столовой Политехникума должны быть соевыми. Подойдя к столику, за которым расположился Залески, сыщик без спроса поставил свой поднос и, усевшись, положил перед сосредоточенно чавкающим лаборантом визитку Ламара Ксавье.

От удивления Залески замер, не донеся ложку до рта, а потом судорожно сглотнул и поднял взгляд. На его густо усыпанном веснушками лице молниеносно сменили друг дружку испуг, удивление, недоверие и почти неприкрытая агрессия.

– Вы – не он! – сказал Залески, возвращаясь к супу.

– Ага, – кивнул Лимек. – Но я на него работаю.

– И чем занимаетесь? – не переставая хлебать, спросил Залески.

Лимек откусил тефтелю и замолчал, почувствовав вкус настоящего мяса, а потом начал медленно и с наслаждением жевать. Такая вот порция тефтелей из натурального фарша в ресторане «Маджестик» обошлась бы талеров в сорок. Похоже, местную столовую снабжали напрямую с Продкомбината.

– Так все-таки? – переспросил Залески.

– Я здесь по делу Петерсена, – сказал Лимек. – Меня зовут Лимек.

– А-а-а... – протянул Залески и сразу поскущел, утратив интерес к беседе. Он прикончил суп и пододвинул к себе кашу и салат.

– Над чем работал Петерсен? – спросил Лимек.

– Радиоэлектронные системы с обратной связью, – с набитым ртом проговорил Залески.

– А конкретнее?

– Конкретнее? – Лаборант вызывающе ухмыльнулся. – Темой диплома Петерсена были функции Лагерра в применении волновых фильтров, если вам это о чем-то говорит...

Манеры лаборанта начали раздражать сыщика. Причин для такого поведения Лимек видел только две: либо Залески уже давно и систематично стучал на своего покойного шефа в «Трискелион», либо... либо мальчишка просто испуган. Испуган настолько, что ему остается только бравировать.

– А вы тоже пишете диплом? – с обаятельно-глуповатой улыбкой спросил Лимек.

– Угу.

– А инженер Петерсен был вашим научным руководителем, верно? – вкрадчиво уточнил Лимек.

Залески молча кивнул. В его глазах мелькнуло легкое подозрение.

– А теперь Петерсен мертв, – жестко рубанул Лимек. – Его лаборатория опечатана, тема закрыта, следствие по делу ведут трискели. И ваши шансы, Залески, на защиту диплома также малы, как и вероятность сохранить за собой место лаборанта. На вашем месте, Эдек, я бы всерьез озаботился вопросом своего скорого трудоустройства. А мой наниматель, – Лимек забрал со стола визитку Ксавье и покрутил ее в пальцах, – склонен помнить людей, которые оказали ему услугу. Давно они приходили?

– Кто? – ошарашено спросил Залески.

– Трискели.

– Вчера утром, – выпалил Залески, заворожено глядя на визитку Ксавье.

– Вас уже вызывали на допрос?

Лаборант замотал головой.

– А кого?

– Директора Политехникума, завкафедрой радиоэлектроники и декана факультета кибернетики, – послушно перечислил Залески.

– Значит, скоро ваша очередь... – меланхолично, словно рассуждая вслух, сказал Лимек.

Залески побледнел.

– А при чем тут я? – спросил он, будто оправдываясь.

– Мне-то почем знать? – пожал плечами Лимек. – Об этом надо спрашивать директора Политехникума, завкафедрой радиоэлектроники и декана факультета кибернетики... А спрашивать в «Трискелионе» умеют.

Мысль об этом окончательно отбила у лаборанта всякий аппетит. Сдвинув поднос в сторону, он воровато огляделся по сторонам, перегнулся через стол и доверительно сообщил:

– Они не опечатали лабораторию Петерсена!

– Вот как? – удивился Лимек, пряча визитку в карман. – И я могу ее осмотреть?

В фойе Политехникума было пустынно и тихо. В углу, под пальмой в кадке, дремал вахтер в фуражке. Лимек и Залески прошли мимо него к лифту и стали ждать, пока латунная стрелка над кованой дверью доползет до цифры один.

По слухам, в Политехникуме было то ли пять, то ли десять подземных этажей, где размещались секретные лаборатории и проводились исследования по заказу военных. Слухи эти, по-видимому, были отчасти обоснованы – по крайней мере, на панели лифта кроме обычных кнопок оказалось еще с полдюжины таких, что не нажмешь, пока не вставишь ключ в замочную скважину рядом. Но лаборант, вопреки ожиданиям Лимека, нажал на одну из простых кнопок и повез его на тридцатый, последний этаж здания. Всю дорогу Залески подавленно молчал, задумчиво глядя перед собой, и лишь пару раз начинал беззвучно шевелить губами, будто о чем-то споря с невидимым собеседником.

Глядя на лаборанта, Лимек подумал, что Ксавье был прав: Залески и Ленца были чем-то похожи. Их объединяло врожденное лакейство, желание угодить, выслужиться... Только Ленц делал это из тщеславия – прислуживая сильным мира сего, он и себя начинал к ним причислять, а на Залески надо было все время давить, поддерживая его в состоянии не то что бы страха, а этаким зыбкой неуверенности в завтрашнем дне.

Они вышли из лифта в абсолютно безликий коридор, и Залески подвел Лимека к такой же безликой двери с матовым стеклом. На стекле была надпись: «Лаборатория №312. Инженер П.Петерсен».

– Это здесь, – сказал Залески и виновато добавил: – Но у меня забрали ключи.

– Замечательно, – пробормотал Лимек.

Он отстранил лаборанта и осмотрел замок. Простейший цилиндрический механизм в дверной ручке. Мечта гостиничного вора. Но доставать из портфеля отмычки при Залески было бы как-то несолидно... Лимек вытащил складной швейцарский нож, открыл шило, просунул его в щель между дверью и косяком, отжал язычок ригеля и толкнул дверь плечом.

– М-да, – сказал он, очутившись внутри. – Похоже, мы опоздали.

Из лаборатории вынесли все, что можно было вынести – то есть все, что не было прикручено к полу или намертво вмуровано в стену. Остался только абсолютно пустой стол-верстак посреди комнаты, кульман в углу да пустые стеллажи вдоль стен.

– Они все забрали еще вчера, – сказал Залески. – И увезли в больших картонных коробках.

– Это очень полезная информация, – саркастически заметил Лимек.

На стеллажах еще лежала пыль, очерчивая ровные прямоугольники в тех местах, где стояли приборы. На стене осталось ровное круглое пятно от тарелки репродуктора. Под ним висела целая гроздь пустых желобов пневмопочты. За верстаком был выпотрошенный стенной сейф с толстой дверцей настезь. Единственным, что уцелело, оказался портрет над кульманом – но не казенная литография канцлера Куртца, а любительская акварель, изображающая короля Матиаса в неизменной шляпе-котелке.

– Так чем он все-таки занимался? – спросил Лимек, пройдясь по лаборатории в тщетной надежде увидеть хоть что-то, что упустили трискели. Но они, похоже, даже пол подмели перед уходом.

– Это военная тайна, – робко сказал Залески.

– Ну хватит, Залески, – отмахнулся Лимек. – Одно то, что вы меня сюда привели, тянет лет эдак на пять.

– Я... я не знаю точно всего, – вымученно сказал лаборант, – но, по-моему, они делали на Фабрике радары для башни Сарториуса... или радиозонды. Петерсен постоянно заказывал в отделе снабжения электронные лампы и линии задержки – это такие ртутные трубки для накопления информации, – пояснил Залески.

Лимек подошел к окну и, борясь с желанием закурить, сунул руки в карманы. Отсюда, с последнего этажа Политехникума, был виден парк: посыпанные гравием дорожки, голые черные ветки кустов, скелеты деревьев и неработающий фонтан в окружении пустых скамеек. Над парком в мглистой морозной дымке, если приглядеться, можно было увидеть башню Сарториуса – ажурную спираль с принайтованными аэростатами.

– А что Петерсен делал на Фабрике ночью? – спросил сыщик.

– Его часто вызывали. Он тестировал новое оборудование, многие приборы экспериментальные, были сбои, и мастер-наладчик мог позвонить инженеру в любое время суток – нельзя останавливать производство, сами понимаете... – сбивчиво объяснил Залески.

– Как фамилия мастера?

– Кажется, Мёллер...

– Так кажется или Мёллер? – нажал Лимек.

– Я могу уточнить, – встрепенулся совсем было сникший лаборант. – Моя девушка, Магда, она работает в отделе кадров. У нее есть личные карточки всех сотрудников, проходивших по теме этой лаборатории.

Лимек вопросительно выгнул бровь:

– И Петерсена в том числе? – уточнил он.

- Ну... да, конечно... – опять съежился Залески.
- А мимеограф в отделе кадров имеется?
- Да, а что?
- Мне нужны копии дел Петерсена и Мёллера, – потребовал Лимек.
- Но это же... – попытался возразить Залески, но Лимек его перебил:
- Это будет вашим первым весомым вкладом в собственное будущее. А может быть, и будущее Магды. – Лимек хищно улыбнулся и, похлопав Залески по плечу, крепко сжал его влажную ладонь: – Думаю, мы сработаемся, Залески. Я позвоню вам на днях...